

[Мем из сериала «История дворца Яньси» (宫斗). Дословно - «большие свиные копыта». В китайском языке «главная мужская роль» (主角 nán zhǔjiǎo) созвучно «мужским свиным копытам» (主角 nán zhūjiǎo). «Большие свиные копыта» (猪蹄) усиливает выражение недовольства мужским непостоянством. Фраза впервые появилась в плавающих комментариях на стриминговых платформах и позже распространилась в китайской сети как критика патриархальных устоев.]

Поскольку Бай Юэху все еще ждал, Лу Цинцзю не решился готовить что-то сложное и выбрал самое простое. Он взял скороварку и приготовил большую кастрюлю тушеной говядины в красном соусе. Закончив, отнес все прямо в спальню.

Когда запах говядины наполнил комнату, только что заснувший Бай Юэху открыл глаза. Проснувшись, он ничего не сказал - просто взял палочки и быстро съел все, что приготовил для него Лу Цинцзю.

«Хочешь еще?» - спросил Лу Цинцзю, чувствуя, что тот не наелся.

Бай Юэху покачал головой - он хотел еще немного поспать и поесть завтра утром.

Глядя на пятна крови на его теле, Лу Цинцзю все еще тревожился: «Спи. Я вытру тебя теплым полотенцем».

Бай Юэху кивнул. Как только глаза закрылись, он снова погрузился в глубокий сон. На нем все еще была та черная мантия, от которой исходил резкий запах запекшейся крови.

Лу Цинцзю осторожно снял одежду и увидел раны, появившиеся после боя. По сравнению с прошлым разом, они казались еще страшнее. Раны покрывали почти все тело Бай Юэху, но, к счастью, не заделки жизненно важных мест, и кровотечение уже остановилось.

Лу Цинцзю принес теплую воду и полотенце, промыл раны и перевязал их бинтами. Он не решался использовать слишком много лекарств, боясь помешать способности Бай Юэху к самоисцелению.

Глядя на беспорядочно разбросанные по прекрасному телу раны, Лу Цинцзю был глубоко опечален. Он двигался как можно мягче, боясь разбудить Юэху. Обработав раны, он уложил его на мягкую постель, укрыл одеялом, выключил свет и только тогда покинул комнату.

«Брат Лу, как поживает господин Бай?» - обеспокоенно спросил Цзян Бухуань, стоя в дверях. Он не видел ран, но догадывался, что те не могли быть легкими. В схватке двух чудовищных существ даже случайный взмах лапы мог разорвать землю и расколоть небо. Ему казалось, что он заснул, но, поразмыслив, он понял: его просто оглушила сила боя, и он потерял сознание.

«Он спит, – сказал Лу Цинцзю. – У него несколько ранений, но ничего серьезного. Ты видел, кто победил?»

«Нет, – честно ответил Цзян Бухуань. – Я потерял сознание в середине боя».

«Упал в обморок?»

«Угу. Их битва слишком сильно на меня повлияла, я не выдержал». – Цзян Бухуань только что смыл кровь с лица.

«Тебе тоже нужно отдохнуть, – сказал Лу Цинцзю. – Я сам присмотрю за ним».

Цзян Бухуань кивнул и отправился спать.

Инь Сюнь должен был вернуться домой, а Цзян Бухуань плохо чувствовал себя, поэтому Лу Цинцзю решил сам дежурить у постели Бай Юэху всю ночь. Если тот проснется и захочет есть, он будет рядом. Бай Юэху спал, но его брови слегка хмурились – видно было, что сон неглубокий.

Лу Цинцзю сидел рядом и тихо читал при свете маленькой лампы. Хотя Бай Юэху жил здесь почти год, его комната все еще оставалась пустой. Кроме нескольких предметов повседневной одежды, здесь были только самые простые вещи. Никаких следов чьего-то присутствия. Казалось, стоит отвернуться – и Бай Юэху исчезнет.

Книга, которую читал Лу Цинцзю, называлась «О чем не говорил Конфуций»*. В ней были народные сказки о сверхъестественном. С тех пор как он узнал о ненаучной стороне мира, он начал читать такие древние истории. И чем больше читал, тем сильнее его увлекал этот другой мир.

[Сборник Юань Мэя, включающий в себя истории в жанре бицзи о чудесах и сверхъестественном.]

Ночь сгущалась, и Луна поднималась всё выше, заливая землю серебристым холодом. Ветер, врывающийся в распахнутое окно, становился резче и злее, пробирая до костей. Лу Цинцзю боролся с дремотой – веки тяжелели, но он упрямо отгонял сон, поднося к губам почти остывший чай. За спиной послышался тихий стон Бай Юэху. Сердце Лу Цинцзю дрогнуло: он резко обернулся, готовый увидеть пробуждение, но в лунном свете различил лишь сомкнутые веки – друг всё ещё спал. Тихо ступая, Лу Цинцзю подошёл, бережно поправил одеяло и осторожно уложил Бай Юэху поудобнее. Лишь тогда напряжённые брови мужчины чуть разгладились.

«Что приготовить ему завтра?» – подумал Лу Цинцзю. После стольких ран он, верно, потерял много крови. Наутро стоит сварить несколько яиц – это поможет восстановлению.

Так Лу Цинцзю просидел у постели, не смыкая глаз, пока первые проблески зари не окрасили горизонт. Чтобы прогнать сонливость, он налил себе ещё несколько чашек крепкого чая – пил и ждал, сидя у кровати. К тому времени, как небо начало светлеть, он устал настолько, что сон отступил сам собой.

Решив, что Бай Юэху скоро проснётся, Лу Цинцзю отправился на кухню – вскипятил воды и принялся готовить завтрак. Он знал, что друг любит мясо, и поставил на огонь кастрюлю куриного супа. Пусть утром это кажется странным, но мужчине точно придётся по душе.

Сон Бай Юэху всегда был чутким, но в эту ночь он провалился в глубокую дремоту. Сквозь пелену забытья он знал: Лу Цинцзю рядом. Это позволило ему ослабить бдительность, утонуть в мягком матрасе. Лёгкий аромат чая, разлитый в воздухе, дарил покой. Что было потом – он не помнил, ибо действительно заснул.

Когда Лу Цинцзю вернулся в комнату с готовым завтраком, Бай Юэху уже проснулся. Он отдыхал, прислонившись к изголовью, глаза закрыты, но дыхание ровное.

«Юэху, ты голоден? – поспешно спросил Лу Цинцзю. – Я приготовил тебе завтрак».

Бай Юэху кивнул.

Лу Цинцзю принёс из кухни угощение: большую кастрюлю тушёной курицы и глубокую миску куриного супа с лапшой. Оба блюда были лёгкими, без лишних специй, – в самый раз для израненного тела.

Бай Юэху взял еду, но не стал есть сразу. Вместо этого спросил: «А что с Цзян Бухуанем?»

Лу Цинцзю решил, что тот тревожится о безопасности гостя.

«Он легко ранен, но ничего серьёзного. Сейчас спит. Хочешь, позову?»

Бай Юэху нахмурился: «Почему он до сих пор не ушёл?»

Лу Цинцзю чуть не поперхнулся от неожиданности, не зная, плакать или смеяться. «А он может уйти?»

«Конечно. Иначе зачем я потратил столько сил? – при одной мысли, что Цзян Бухуань останется на завтрак, Бай Юэху помрачнел. – Пусть уходит. И быстро».

Лу Цинцзю улыбнулся: «Хорошо».

Только тогда Бай Юэху принялся медленно есть. Лу Цинцзю сидел рядом, с теплотой наблюдая, как друг неторопливо подцепляет лапшу.

Тут подошёл Инь Сюнь. Учуяв запах куриного супа, он прокрался к двери спальни, но войти не решился. Он просунул голову и заглянул внутрь – и как раз застал отеческий, ласковый взгляд Лу Цинцзю.

Инь Сюнь: «...» Похоже, в этой семье завели ещё одного сына – в ответ на политику двух детей.

Закончив трапезу, Бай Юэху снова провалился в сон. Убрав всё, Лу Цинцзю тоже почувствовал лёгкую сонливость. Первым, кого он увидел, выйдя из спальни, был Инь Сюнь – тот вытянул шею и подглядывал.

«Чего уставился?» – Лу Цинцзю легонько шлёпнул его по голове.

«Наблюдаю за вашими тёплыми отцовско-сыновними... Ай, нет, за вашей долгой и нерушимой дружбой, – поправился Инь Сюнь. – Ты всю ночь за ним смотрел?»

«Угу, – кивнул Лу Цинцзю. – Будешь завтракать? Я сварю куриный суп с рисом».

«Буду, – ответил Инь Сюнь. – А после завтрака иди поспи».

«Ты присмотришь за ним?»

«Могу, но сначала предупреди Бай Юэху: пусть не трогает моё нежное тело... – Инь Сюнь поёжился. – А то он меня укусит – и я даже не восстановлюсь».

Лу Цинцзю, с беспомощной улыбкой, согласился.

Он достал немного маринованных овощей, смешал их с кунжутным маслом, и они с Инь Сюнем съели по миске дымящегося куриного супа с рисом и овощами. Едва закончили, как встал Цзян Бухуань. От бессонницы под его глазами легли тени.

«Доброе утро», – поздоровался он с Лу Цинцзю.

«Доброе, – ответил тот. – Иди завтракать».

Цзян Бухуань радостно кивнул: еда здесь – его самое счастливое время. Рис размяк в курином бульоне, сверху посыпан зелёным луком. Маринованные овощи – свежие и хрустящие, с кунжутным маслом и острым перцем – отлично оттеняли жирность супа.

Не успел Цзян Бухуань приняться за трапезу, как услышал: «Бай Юэху сказал, что с тем, кто хотел тебя убить, покончено. Теперь ты можешь покинуть Шуйфу».

«Вот так просто?» - в голосе Цзян Бухуаня послышалась лёгкая грусть.

«Да, - кивнул Лу Цинцзю. - Так сказал Юэху, так что проблем больше не будет».

«Тогда... хорошо», - ответил Цзян Бухуань.

«Тебе стоит купить билеты на поезд сегодня днём. Я немного посплю, а как проснусь - отвезу в город», - сказал Лу Цинцзю. Он считал, что парень, наверное, и правда хочет уехать: деревня Шуйфу слишком глухая и отсталая - место лишь для тех, кто мечтает о спокойной старости.

«Ладно», - согласился Цзян Бухуань. Теперь, когда всё улажено, причин оставаться не было. Он доел куриный суп с рисом, почти не чувствуя вкуса, и тихо спросил: «А... я могу вернуться потом?»

Лу Цинцзю удивлённо поднял брови.

«Я имею в виду - приехать в гости, когда будет перерыв в работе, - поспешно пояснил Цзян Бухуань. - Я заплачу за проживание и не доставлю хлопот...»

«Хорошо, - улыбнулся Лу Цинцзю, удивлённый, что парню и правда нравится Шуйфу. - Добро пожаловать».

Впрочем, знаменитости всегда заняты - вряд ли у Цзян Бухуаня будет много времени на отдых в деревне.

«Замечательно, - обрадовался Цзян Бухуань. - Вы мне так помогли - я даже не знаю, как вас благодарить».

«Не стоит, - покачал головой Лу Цинцзю. - Это не только твоя проблема. Если то, что сказал Бай Юэху, правда, то ты лишь несчастная жертва, которую втянули в эту историю. Настоящая цель закулисного вдохновителя - деревня Шуйфу и Бай Юэху. Он хотел использовать твою смерть, чтобы исказить природу Бай Юэху. Только вот что это за „искажение“ - я не знаю...»

Цзян Бухуань ничего не понял, но, увидев, что Лу Цинцзю не намерен объяснять, промолчал.

Не спав всю ночь, Лу Цинцзю устал. Закончив с едой, он сразу лёг и проспал до полудня. Проснувшись, первым делом пошёл проверить, как там Бай Юэху... Точнее, проверить, жив ли ещё Инь Сюнь.

«У-у-у, мне было так страшно! – Инь Сюнь, от волнения изжевавший половину собственных пальцев, чуть не плакал, оставшись наедине с Бай Юэху. – Давай я отвезу Цзян Бухуаня, а ты присмотришь за ним?»

«Он просыпался?» – спросил Лу Цинцзю.

«Проснулся, взглянул на меня и спросил: „Где Лу Цинцзю?“ Я сказал: „Спит“. А он велел мне держаться подальше, иначе, мол, съест меня во сне и не отвечает за последствия».

Лу Цинцзю: «...» Похоже, Бай Юэху просто презирает Инь Сюня.

«Я всего лишь жалкий, слабый, беспомощный маленький горный бог, – печально вздохнул Инь Сюнь. – Почему он так со мной?»

В конце концов Лу Цинцзю сдался: согласился, чтобы Инь Сюнь отвёз Цзян Бухуаня в город на пикапе. В конце концов, тот уже сгрыз полруки от нервов – если съест ещё, неизвестно, когда они отрастут. «Съесть свои руки*» – это же просто поговорка... Только глупый сын его семьи мог воспринять её буквально.

Инь Сюнь с радостью взялся проводить Цзян Бухуаня, а Лу Цинцзю остался дома – сидеть у постели всё ещё спящего Бай Юэху.

Все прочие существа побаивались Бай Юэху, но Лу Цинцзю, как ни странно, с первой встречи не испытывал страха. Для него Бай Юэху был просто самым обычным лисьим духом – чего бояться?

Проспав до трёх-четырёх часов дня, Бай Юэху наконец очнулся. Открыв глаза, он увидел Лу Цинцзю: тот стоял у окна, прислонившись к раме, и читал книгу. Тёплый солнечный свет падал на его щеку, окутывая кожу и чёрные пряди золотистым сиянием. Свет размывал очертания фигуры, и Бай Юэху вдруг показалось, что тот вот-вот исчезнет вместе с лучами.

«Лу Цинцзю», – позвал он, словно произнося заклинание, способное удержать его.

Лу Цинцзю вздрогнул, поднял голову и, встретив взгляд друга, озарился мягкой улыбкой.

«Ты проснулся».

«Угу», – отозвался Бай Юэху. Сквозь свет он смотрел, как молодой человек быстрым шагом приближается к нему. В груди вдруг вспыхнуло что-то горячее, готовое вырваться наружу, и он сжал губы, боясь обнаружить свои чувства.

«Ты голоден?» – спросил Лу Цинцзю. Он мало что мог сделать для Бай Юэху, но, к счастью, утолить голод – это было как раз то, в чём друг больше всего нуждался.

Бай Юэху кивнул. Вчерашний бой иссушил его силы до дна – теперь требовалась долгая передышка, чтобы восстановить истраченную энергию.

«Я приготовлю, – сказал Лу Цинцзю. – Что бы ты хотел съесть?»

Бай Юэху отозвался: «На твой вкус».

«Тогда я сварю тебе свиные ножки, а после обжарю немного риса».

«Хорошо».

Лу Цинцзю развернулся и направился к кухне. Все эти блюда уже были готовы: он заранее беспокоился, что Бай Юэху захочет есть, едва очнувшись от сна. Быстро разогрев, он принёс их в спальню Бай Юэху, но комната оказалась пуста – лиса не было.

«Юэху?» – голос Лу Цинцзю дрогнул от лёгкой тревоги.

«Я здесь», – донёсся голос со двора.

Лу Цинцзю вышел и снова увидел Бай Юэху, сидящего в кресле-качалке. «Захотелось погреться на солнце».

Лу Цинцзю облегчённо выдохнул. Он с улыбкой подошёл и поставил еду на каменную столешницу. «Ешь».

Бай Юэху поднял руку и начал неспешно есть.

Весеннее солнце и впрямь было лучшим лекарством. Прохладный ветер приносил откуда-то лепестки цветущего персика; одни ложились на землю двора, другие – на чёрные волосы Бай Юэху. Лу Цинцзю внезапно встал, приблизился к нему, наклонил голову, собрал его волосы сзади и бережно перевязал.

«Они ещё вернутся?» – спросил Лу Цинцзю.

«Угу, – отозвался Бай Юэху. – Пока есть свет, есть и тень. Пока существует свет, тени не исчезнут».

«Это то, чем ты занимался на протяжении многих поколений?»

«Да».

Лу Цинцзю тихо вздохнул.

«Ладно, у меня есть кое-что для тебя».

«Что же?»

Сначала он подумал, что это будет нечто чрезвычайно важное, но затем увидел, как Бай Юэху встал и, с серьёзным лицом, повернулся к нему спиной. Прежде чем Лу Цинцзю успел опомниться, из копчика Бай Юэху выскользнули девять белых пушистых хвостов. Раздался его голос: «Видишь? Они снова отросли».

Лу Цинцзю: «...»

Бай Юэху: «Я же говорил, что весной они вырастут заново».

Плечи Лу Цинцзю затряслись. Он изо всех сил старался сдержать смех, но не смог – и смеялся до слёз, согнувшись пополам.

Бай Юэху подозрительно уставился на него. «Над чем ты смеёшься?»

«Нет... ни над чем». Лу Цинцзю чувствовал, что его лисий дух до нелепости мил. Он не стал сдерживаться – протянул руки и обнял эти девять пушистых хвостов, наслаждаясь их мягкостью, когда те тёрлись о его лицо. «Ты мне так нравишься».

«Я тебе нравлюсь?»

Лу Цинцзю крепко поцеловал хвосты. «Конечно».

Но Бай Юэху с сомнением посмотрел на него, потом отвернулся и что-то тихо пробормотал. Стоявший за спиной Лу Цинцзю отчётливо услышал эту маленькую жалобу: «Тебе просто нравятся пушистые штуки».

«Что ты имеешь в виду? – спросил Лу Цинцзю. – Кто сказал тебе, что я люблю пушистое?»

«Все люди любят, – хвосты Бай Юэху дёрнулись. – Если не любишь, зачем ты обнимаешь мои хвосты?»

«Я люблю твои хвосты, потому что они твои. Будь они у кого другого, они бы мне не нравились».

Бай Юэху не ответил, но явно не поверил. Люди так легко лгут. Хоть он и сказал это, но увидев его истинный облик – тут же обратится в бегство. Иначе откуда бы взялась поговорка о Е-гуне, любящим драконов*?

[Любить лишь на словах; пустые слова, не подкрепленные делом, пустая болтовня. Показная любовь.]

Лу Цинцзю беспомощно сказал: «Ты видел, чтобы я гладил хвосты отца Су Си?»

Непреклонный Бай Юэху видел его насквозь. «Это потому, что он их не показывает».

У Лу Цинцзю не нашлось возражений.

«К тому же у него сейчас голые хвосты, – продолжал Бай Юэху. – Я выиграл весь его лишний мех на шубу. Она тёплая?»

«Тёплая».

«Хорошо».

Лу Цинцзю не знал, смеяться или плакать. Он хотел объяснить, что не так уж и ценит пушистость, но, сжимая в руках хвосты, чувствовал: слова прозвучат неубедительно. В конце концов он лишь вздохнул, прижался лицом к пушистым хвостам и сказал: «Даже если мне нравится мех, ты нравишься мне больше».

Бай Юэху поднял бровь: «Тебе неприятно обнимать хвосты или больше не нравится носить шубу?»

Лу Цинцзю: «...»

Хоть в его словах не было правды, Бай Юэху вызывающе заявил: «Я действительно пушистый».

Лу Цинцзю: «...» Ладно, лучше оставить эту тему.

В итоге Бай Юэху сел в кресло-качалку и гордо протянул хвосты для объятий. Хвосты казались настоящими: тёплые, умели двигаться и, обвивая талию Лу Цинцзю, дарили удивительное удовольствие. Но тут возник вопрос: откуда они взялись? Выиграны, как шуба? Или... он съел всё остальное?

Лу Цинцзю был слегка озадачен. По сравнению с прежними, мех на хвостах стал ещё пышнее и глаже. Обнимать их было всё равно что держать большую мягкую игрушку – невыразимо

приятно. Самое удивительное: они могли сами обвиваться вокруг него. Лёжа на них, Лу Цинцзю чувствовал себя словно на подушке. Так, на солнце, он быстро задремал.

Очнулся он, когда солнце уже клонилось к западу. Первым, что увидел молодой человек, открыв глаза, был профиль Бай Юэху. На кончик его носа упал лепесток персика. Лу Цинцзю протянул руку и бережно снял его.

Бай Юэху тоже проснулся: открыл глаза, ещё затуманенные сном, слегка шевельнулся с тихим «Хм-м» и притянул Лу Цинцзю к себе на грудь.

Это была привычка, оставшаяся после зимних ночей. Тогда, ложась спать, они начинали в совершенно приемлемых позах, но почти каждое утро Лу Цинцзю просыпался в объятиях Бай Юэху.

«Эй... пора вставать, я ещё не приготовил ужин».

«Есть не хочется».

Лу Цинцзю улыбнулся: «Ну уж нет, ты только что пострадал, как же не есть?»

«Не голоден».

Хотя Бай Юэху и говорил так, Лу Цинцзю всё ещё пытался выбраться из его рук. Он взглянул на часы: уже больше шести вечера, а отвозивший Цзян Бухуаня Инь Сюнь всё не возвращался.

Может, что-то случилось? Лу Цинцзю забеспокоился, поспешно вытащил телефон и позвонил Инь Сюню.

После гудков раздался голос Инь Сюня: «Цзю-эр, не волнуйся, я вернусь чуть позже».

«Что-то случилось?» – с сомнением спросил Лу Цинцзю.

«Айя, ничего особенного. Просто проводил Цзян Бухуаня и заметил, что у меня на заднице красная сыпь. Зашёл в клинику за лекарством, врач сказал – аллергия, велел поставить капельницу, прежде чем вернуться».

«...» Лу Цинцзю вспомнил, что у Инь Сюня аллергия на слизней. Но раньше не было так серьёзно. Почему вдруг сегодня?

Объяснение Инь Сюня было скудным: «Я тоже в недоумении. Доктор сказал, может, весна – сезон аллергии...»

«Хорошо, возвращайся скорее».

Инь Сюнь молча повесил трубку. Уставившись на экран, он тихо плакал. Он тоже хотел вернуться, но один человек прислал ему сообщение: «Не появляйся передо мной до 18:00, иначе убью и съем». Делать нечего – стиснул зубы, позволив капельнице взять вину на себя. Это было первое сообщение от Бай Юэху; он думал, что тот изменился и просто написал. Но открыв, понял: Бай Юэху хочет его жизни.

«Бу-ву-ву, Цзю-эр, береги себя дома, – вытирая слёзы, Инь Сюнь тревожился за друга. – Надеюсь, вернувшись, не увижу твой скелет, который остался после того, как тебя съел Бай Юэху».

Лу Цинцзю не такой, как он, – у него не вырастают части тела после того, как их съели... Кстати, способ этой «еды» ещё открыт для обсуждения.

Автору есть что сказать:

Бай Юэху: Лу Цинцзю, тебе нравятся мои хвосты или я?

Лу Цинцзю: Только ребенок станет выбирать. Как взрослый, я хочу и то, и другое.

Бай Юэху: И то, и другое? Тогда я – твой, и мои хвосты – твои, иди сюда, я помогу тебе устроиться в хвостах.

Лу Цинцзю: Эй... Подожди???

Переводчику есть что сказать:

ессо: «Я – пушистый!» – сказал обманщик-дракон. Милота. (□◡□) ♡

Так любовник отправляет ребенка из дома, пока будет «есть» его отца.

Ах, Инь Сюнь, откуда ты знаешь о другом значении слова «есть»? У тебя же не было доступа к интернету и телефону... Любовь витает в воздухе?

<http://bllate.org/book/15722/1636394>